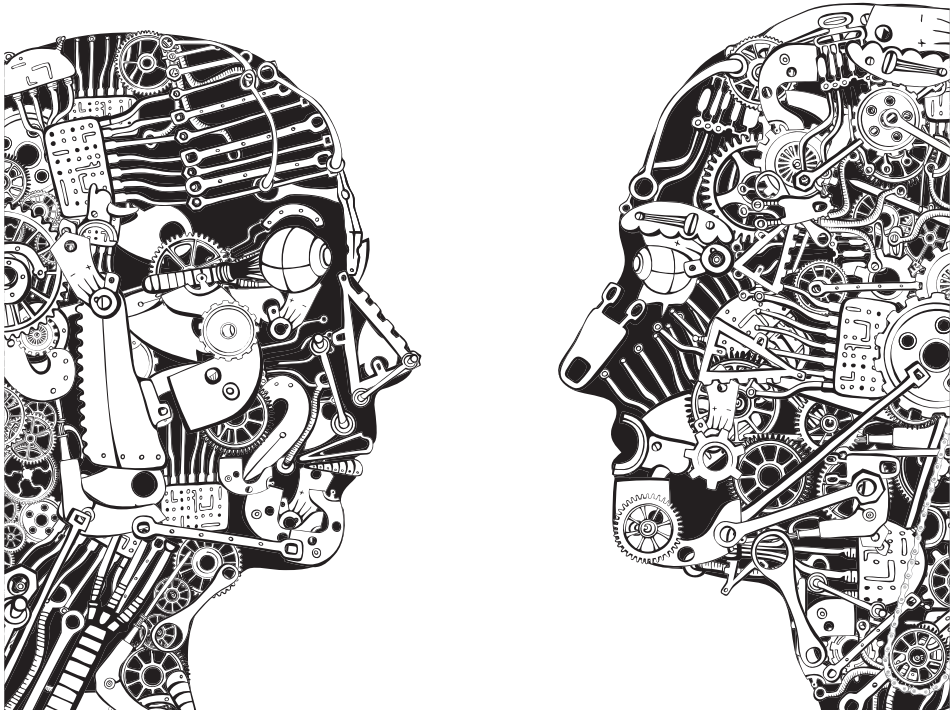

Запись 1-я

КОНСПЕКТ:
 ОБЪЯВЛЕНИЕ. МУДРЕЙШАЯ ИЗ ЛИНИЙ. ПОЭМА

Я просто списываю — слово в слово — то, что сегодня напечатано в Государственной Газете:

«Через 120 дней заканчивается постройка «ИНТЕГРАЛА». Близок великий, исторический час, когда первый «ИНТЕГРАЛ» взойдется в мировое пространство. Тысячу лет тому назад ваши героические предки покорили власти Единого Государства весь земной шар. Вам предстоит еще более славный подвиг: стеклянным, электрическим, огнедышащим «ИНТЕГРАЛОМ» проинтегрировать бесконечное уравнение Вселенной. Вам предстоит благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах — быть может, еще в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несем им математически безошибочное счастье, — наш долг заставить их быть счастливыми. Но прежде оружия мы испытаем слово.

От имени Благодетеля объявляется всем номерам Единого Государства:

Всякий, кто чувствует себя в силах, обязан составлять трактаты, поэмы, манифесты, оды или иные сочинения о красоте и величии Единого Государства.

Это будет первый груз, который понесет «ИНТЕГРАЛ».

Да здравствует Единое Государство, да здравствуют номера, да здравствует Благодетель!»

Я пишу это и чувствую: у меня горят щеки. Да: проинтегрировать грандиозное вселенское уравнение. Да: разогнать дикую кривую, выпрямить ее по касательной — асимптоте — по прямой. Потому что линия Единого Государства — это прямая. Великая, божественная, точная, мудрая прямая — мудрейшая из линий...

Я, Д-503, строитель «Интеграла», — я только один из математиков Единого Государства. Мое привычное к цифрам перо не в силах создать музыки ассонансов и рифм. Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю — точнее, что мы думаем (именно так: мы, и пусть это «МЫ» будет заглавием моих записей). Но ведь это будет производная от нашей жизни, от математически совершенной жизни Единого Государства, а если так, то разве это не будет само по себе, помимо моей воли, поэмой? Будет — верю и знаю.

Я пишу это и чувствую: у меня горят щеки. Вероятно, это похоже на то, что испытывает женщина, когда впервые услышит в себе пульс нового, еще крошечного, слепого человечка. Это я и одновременно не я. И долгие месяцы надо будет питать его своим соком, своей кровью, а потом — с болью оторвать его от себя и положить к ногам Единого Государства.

Но я готов, так же как каждый, или почти каждый, из нас. Я готов.

Запись 2-я

КОНСПЕКТ: БАЛЕТ. КВАДРАТНАЯ ГАРМОНИЯ. ИКС

Весна. Из-за Зеленой Стены, с диких невидимых равнин, ветер несет желтую медовую пыль каких-то цветов. От этой сладкой пыли сохнут губы — ежеминутно проводишь по ним языком — и, должно

быть, сладкие губы у всех встречных женщин (и мужчин тоже, конечно). Это несколько мешает логически мыслить.

Но зато небо! Синее, не испорченное ни единым облаком (до чего были дики вкусы у древних, если их поэтов могли вдохновлять эти нелепые, безалаберные, глупо толкущиеся кучи пара). Я люблю — уверен, не ошибусь, если скажу: мы любим — только такое вот, стерильное, безукоризненное небо. В такие дни весь мир отлит из того же самого незыблемого, вечного стекла, как и Зеленая Стена, как и все наши постройки. В такие дни видишь самую синюю глубь вещей, какие-то неведомые дотоле, изумительные их уравнения — видишь в чем-нибудь таком самом привычном, ежедневном.

Ну, вот хоть бы это. Нынче утром был я на эллинге, где строится «Интеграл», и вдруг увидел станки: с закрытыми глазами, самозабвенно, кружились шары регуляторов; мотыли, сверкая, сгибались вправо и влево; гордо покачивал плечами балансир; в такт неслышной музыке приседало долото долбежного станка. Я вдруг увидел всю красоту этого грандиозного машинного балета, залитого легким голубым солнцем.

И дальше сам с собою: почему красиво? Почему танец красив? Ответ: потому что это несвободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе. И если верно, что наши предки отдавались танцу в самые вдохновенные моменты своей жизни (религиозные мистерии, военные парады), то это значит только одно: инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку, и мы в теперешней нашей жизни — только сознательно...

Кончить придется после: щелкнул нумератор. Я подымаю глаза: О-90, конечно. И через полминуты она сама будет здесь: за мной на прогулку.

Милая О! — мне всегда это казалось — что она похожа на свое имя: сантиметров на 10 ниже Материнской Нормы — и оттого вся кругло обточенная, и розовое О — рот — раскрыт навстречу каждому моему слову. И еще: круглая, пухлая складочка на запястье руки — такие бывают у детей.

Когда она вошла, еще всюю во мне гудел логический маховик, и я по инерции заговорил о только что установленной мною формуле, куда входили и мы все, и машины, и танец.

— Чудесно. Не правда ли? — спросил я.

— Да, чудесно. Весна, — розово улыбнулась мне О-90.

Ну вот, не угодно ли: весна... Она — о весне. Женщины... Я замолчал.

Внизу. Проспект полон: в такую погоду послеобеденный личный час мы обычно тратим на дополнительную прогулку. Как всегда, Музыкальный Завод всеми своими трубами пел Марш Единого Государства. Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера — сотни, тысячи номеров, в голубоватых юнифах¹, с золотыми бляхами на груди — государственный номер каждого и каждой. И я — мы, четверо, — одна из бесчисленных волн в этом могучем потоке. Слева от меня О-90 (если бы это писал один из моих волосатых предков лет тысячу назад, он, вероятно, назвал бы ее этим смешным словом «моя»); справа — два каких-то незнакомых номера, женский и мужской.

Блаженно-синее небо, крошечные детские солнца в каждой из блях, не омраченные безумием мыслей лица... Лучи — понимаете: все из какой-то единой, лучистой, улыбающейся материи. А медные такты: «Тра-та-та-там. Тра-та-та-там», эти сверкающие на солнце медные ступени, и с каждой ступенью — вы поднимаетесь все выше, в головокружительную синеву...

И вот, так же как это было утром, на эллинге, я опять увидел, будто только вот сейчас первый раз в жизни, увидел все: непреложные прямые улицы, брызжащее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию сероголубых шеренг. И так: будто не целые поколения, а я — именно я — победил старого Бога и старую жизнь, именно я создал все это, и я как башня, я боюсь двинуть локтем, чтобы не посыпались осколки стен, куполов, машин...

А затем мгновение — прыжок через века, с + на —. Мне вспомнилась (очевидно, ассоциация по контрасту) — мне вдруг вспомнилась картина в музее: их, тогдашний, двадцатых веков, проспект, оглушительно пестрая, путаная толчея людей, колес, животных, афиш, деревьев, красок, птиц... И ведь, говорят, это на самом деле было — это могло быть. Мне показалось это так неправдоподобно, так нелепо, что я не выдержал и расхохотался вдруг.

¹ Вероятно, от древнего 'uniforme'. — Здесь и далее примеч. автора.

И тотчас же эхо — смех — справа. Обернулся: в глаза мне — белые — необычайно белые и острые зубы, незнакомое женское лицо.

— Простите, — сказала она, — но вы так вдохновенно все озирали, как некий мифический бог в седьмой день творения. Мне кажется, вы уверены, что и меня сотворили вы, а не кто иной. Мне очень лестно...

Все это без улыбки, я бы даже сказал, с некоторой почтительностью (может быть, ей известно, что я — строитель «Интеграла»). Но, не знаю, в глазах или бровях — какой-то странный раздражающий икс, и я никак не могу его поймать, дать ему цифровое выражение.

Я почему-то смутился и, слегка путаясь, стал логически мотивировать свой смех. Совершенно ясно, что этот контраст, эта непроходимая пропасть между сегодняшним и тогдашним...

— Но почему же непроходимая? (Какие белые зубы!) Через пропасть можно перекинуть мостик. Вы только представьте себе: барабан, батальоны, шеренги — ведь это тоже было, и следовательно...

— Ну да: ясно! — крикнул (это было поразительное пересечение мыслей: она — почти моими же словами — то, что я записывал перед прогулкой). — Понимаете: даже мысли. Это потому, что никто не «один», но «один из». Мы так одинаковы...

Она:

— Вы уверены?

Я увидел острым углом вздернутые к вискам брови — как острые рожки икса, опять почему-то сбился; взглянул направо, налево — и...

Направо от меня — она, тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, I-330 (вижу теперь ее номер); налево — О, совсем другая, вся из округностей, с детской складочкой на руке; и с краю нашей четверки — неизвестный мне мужской номер — какой-то дважды изогнутый вроде буквы S. Мы все были разные...

Эта, справа, I-330, перехватила, по-видимому, мой растерянный взгляд — и со вздохом:

— Да... Увы!

В сущности, это «увы» было совершенно уместно. Но опять что-то такое на лице у ней или в голосе...

Я с необычайной для меня резкостью сказал:

— Ничего не увы. Наука растёт, и ясно — если не сейчас, так через пятьдесят, сто лет...

— Даже носы у всех...

— Да, носы, — я уже почти кричал. — Раз есть — все равно какое основание для зависти... Раз у меня нос «пуговицей», а у другого...

— Ну, нос-то у вас, пожалуй, даже и «классический», как в старину говорили. А вот руки... Нет, покажите-ка, покажите-ка руки!

Терпеть не могу, когда смотрят на мои руки: все в волосах, лохматые — какой-то нелепый атавизм. Я протянул руку и — по возможности посторонним голосом — сказал:

— Обезьяньи.

Она взглянула на руки, потом на лицо:

— Да это прелюбопытный аккорд, — она прикидывала меня глазами, как на весах, мелькнули опять рожки в углах бровей.

— Он записан на меня, — радостно-розово открыла рот О-90.

Уж лучше бы молчала — это было совершенно ни к чему. Вообще, эта милая О... как бы сказать... у неё неправильно рассчитана скорость языка, секундная скорость языка должна быть всегда немного меньше секундной скорости мысли, а уж никак не наоборот.

В конце проспекта, на аккумуляторной башне, колокол гулко бил 17. Личный час кончился. I-330 уходила вместе с тем S-образным мужским номером. У него такое внушающее почтение и, теперь вижу, как будто даже знакомое лицо. Где-нибудь встречал его — сейчас не вспомню.

На прощание I — все так же иксово — усмехнулась мне:

— Загляните послезавтра в аудиториум 112.

Я пожал плечами:

— Если у меня будет наряд именно на тот аудиториум, какой вы назвали...

Она с какой-то непонятной уверенностью:

— Будет.

На меня эта женщина действовала так же неприятно, как случайно затесавшийся в уравнение неразложимый иррациональный член. И я был рад остаться хоть ненадолго вдвоем с милой О.

Об руку с ней мы прошли четыре линии проспектов. На углу ей было направо, мне — налево.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Запись 1-я.</i> Конспект: Объявление. Мудрейшая из линий. Поэма	3
<i>Запись 2-я.</i> Конспект: Балет. Квадратная гармония. Икс	4
<i>Запись 3-я.</i> Конспект: Пиджак. Стена. Скрижаль	9
<i>Запись 4-я.</i> Конспект: Дикарь с барометром. Эпилепсия. Если бы	13
<i>Запись 5-я.</i> Конспект: Квадрат. Владыки мира. Приятно-полезная функция	16
<i>Запись 6-я.</i> Конспект: Случай. Проклятое «ясно». 24 часа . . .	19
<i>Запись 7-я.</i> Конспект: Ресничный волосок. Тэйлор. Белена и ландыш	24
<i>Запись 8-я.</i> Конспект: Иррациональный корень. R-13. Треугольник	29
<i>Запись 9-я.</i> Конспект: Литургия. Ямбы и хорей. Чугунная рука	33
<i>Запись 10-я.</i> Конспект: Письмо. Мембрана. Лохматый я	36
<i>Запись 11-я.</i> Конспект: ...Нет, не могу, пусть так, без конспекта	43
<i>Запись 12-я.</i> Конспект: Ограничение бесконечности. Ангел. Размышления о поэзии	47
<i>Запись 13-я.</i> Конспект: Туман. Ты. Совершенно нелепое происшествие	50
<i>Запись 14-я.</i> Конспект: «Мой». Нельзя. Холодный пол	54
<i>Запись 15-я.</i> Конспект: Колокол. Зеркальное море. Мне вечно гореть	56
<i>Запись 16-я.</i> Конспект: Желтое. Двухмерная тень. Неизлечимая душа	60

<i>Запись 17-я.</i> Конспект: Сквозь стекло. Я умер. Коридоры . . .	65
<i>Запись 18-я.</i> Конспект: Логические дебри. Раны и пластырь. Больше никогда	71
<i>Запись 19-я.</i> Конспект: Бесконечно малая третьего порядка. Исподлобный. Через парапет	76
<i>Запись 20-я.</i> Конспект: Разряд. Материал идей. Нулевой утес	81
<i>Запись 21-я.</i> Конспект: Авторский долг. Лед набухает. Самая трудная любовь	83
<i>Запись 22-я.</i> Конспект: Оцепеневшие волны. Все совершенствуется. Я — микроб	88
<i>Запись 23-я.</i> Конспект: Цветы. Растворение кристалла. Если только	92
<i>Запись 24-я.</i> Конспект: Предел функции. Пасха. Все зачеркнуть	95
<i>Запись 25-я. Ночь.</i> Конспект: Сошествие с небес. Величайшая в истории катастрофа. Известное кончилось	98
<i>Запись 26-я.</i> Конспект: Мир существует. Сыпь. 41°	103
<i>Запись 27-я.</i> Конспект: Никакого конспекта — нельзя	107
<i>Запись 28-я.</i> Конспект: Обе. Энтропия и энергия. Непрозрачная часть тела	112
<i>Запись 29-я.</i> Конспект: Нити на лице. Ростки. Противоестественная компрессия	118
<i>Запись 30-я.</i> Конспект: Последнее число. Ошибка Галилея. Не лучше ли?	121
<i>Запись 31-я.</i> Конспект: Великая операция. Я простил все. Столкновение поездов	125

<i>Запись 32-я.</i> Конспект: Я не верю. Тракторы. Человеческая щепочка	131
<i>Запись 33-я.</i> Конспект: (Это без конспекта, наспех, последнее)	136
<i>Запись 34-я.</i> Конспект: Отпущенники. Солнечная ночь. Радиовалькирия	137
<i>Запись 35-я.</i> Конспект: В обруче. Морковка. Убийство	144
<i>Запись 36-я.</i> Конспект: Пустые страницы. Христианский бог. О моей матери	149
<i>Запись 37-я.</i> Конспект: Инфузория. Светопреставление. Ее комната	153
<i>Запись 38-я.</i> Конспект: (Не знаю какой. Может быть, весь конспект — одно: брошенная папироска)	156
<i>Запись 39-я.</i> Конспект: Конец	158
<i>Запись 40-я.</i> Конспект: Факты. Колокол. Я уверен	162

